

Падали снежинки, перепадывали...

О новой книге Владимира Бояринова «В мире моих снегов»

Борьба за Слово и успех, подлинный, не погибающий, приходит только к тому художнику, для которого судьба Слова становится его собственной судьбой.

Истина вроде бы очевидна, но её, надо доказывать постоянно, ибо нередко — и это особенно явственным становится в наши дни — в потоке стихов за Словом скрывается его маска. А за судьбой автора прячется лицо без судьбы.

Настоящее Слово любит тишину — сказать громко о наиболее невозможном, поскольку вытолкнется из груди неестественный крик, который обязательно приведёт к поэтической, а потому и к жизненной фальши.

Как и в книгах «Испытания», «В мире моих снегов» Владимир Бояринов избегал этого крика, следуя желанию самого Слова, — а оно в его поэзии живёт, чувствует, осознаёт этот тревожно-трагический мир

и само ведёт поэта по той выверенной тропе, на которой поэтические тропы — эпитеты, метафоры, олицетворения — тоже не кричат, чтобы не спугнуть тишину, окутавшую естественно льющуюся строчки Музы:

Зелёный свет луны,
Лиловая трава,
В берёзовые сны
Упала голова.
И день со мной уснул,
И всплеск далеки,—
Так ветер зачерпнул
Ладоской из реки.
Покой в моих лесах,
И страхи позади.
Проснулся я в слезах,
Со всхлипами в груди.
И сладко стало мне,
И сам я не пойму:
Куда летел во сне
И плакал почему.

Как всё здесь тихо, зримо-живописно, и всё потому, что и в природе «берёзового сна», и на лёгком ветре, который «ладоской зачерпнул воды», всё естественно переливается в покой самого поэта, — такое органическое слияние души Слова с душой поэта сегодня явление редкое, если не исключительное.

Вспоминается в этой связи высказывание Ивана Бунина по поводу поэмы Александра Твардовского «Василий Тёркин»: «Я совершенно восхищён его талантом, — это поистине редкая книга: такая свобода, такая чудесная удача, какая меткость, тонкость во всём и какой необыкновенно народный, солдатский язык, — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова».

Но одного «фальшивого, готового» слова даже самый требовательный читатель не найдёт и в «Мире моих сне-

гов» Владимира Бояринова.

И ключевым бунинским словом в применении к поэзии Владимира Бояринова я ставлю определение «готовое слово», — нету Бояринова готовых слов, ибо они неожиданны не только для читателя, но и для самого поэта, поскольку «мысли, как солдаты, в немальном гибнут бою».

Мысли потому и гибнут, что в нужное время, о коем поэт и сам ничего не знает, они вырываются из души незаёмным словом и — подчеркнут ещё раз — единственно возможным.

В новой книге есть и стихотворения, пришедшие в неё из избранных «Испытаний»:

Падали снежинки,
Перепадывали,
Мушки мешки
Перекладывали.

Эти строфы соединяют две книги и интонационным, и смысловым единством: снежинки, как известно, тают, и они будут постепенно таять в новой книге. А таящие снежинки (не зря мужики уже «перекладывали мешки», говорив о посевной) освобождают землю, которая принимает в себя зерно.

Принимает в себя и зерно Слова взрыхлённая почва Музы поэта, чтобы зашумели всходы зрелыми колосьями на его поэтической ниве, из коей уже появляется хлебный каравай:

Я вам оставляю на грешной земле
Ржаную горбушку и соль на столе,
Берёзовый омут и свод голубой...
А родину я забираю с собой.
Не надо смеяться и плакать вослед.
Ни рай, ни ада без родины нет.

У Владимира Бояринова немного стихов чисто гражданственных, поскольку

они, в его понимании, должны пройти через сердце — будь это социальная радость или личная боль. Гражданственность — это не риторика, которую в недавние времена выдавали за оную, дискредитируя это социальное понятие.

Трагедия великой страны, в результате которой поэт лишился сестры и старшего брата, и стала его гражданственным откликом, превратилась в прекрасную-трагическую строку о тройной потере — Родины, сестры и брата:

Пью из гранёного стакана
И поминальную пою
О том, как три политикана
Украли родину мою.
.....
Не вдруг звезда с Кремля упала.
В краю, украденном вчера,
Не вдруг сестра моя пропала,
Пропала без вести сестра.
Заблудилась в тумане, заглохла,
Промыли косточки стократ, —
В семипалатинской могиле
Обрёл покой любимый брат.

Страшные строки — три боли поэта слились в одну, и пережить её невозможно, ибо память не умирает, и потому так органична — до полной слышимости в сердце — концовка стихотворения:

Где наш орёл в державных высих
Нисходит по кругам утрат,
Я на плите могильной выскек
Всего два слова:
Старший брат.

Удивительно, но почти на пятистах страницах «В мире моих снегов» не обнаруживается стихов, написанных в одной ритмике, — они все разнообразны, чего не найдёшь, пожалуй, ни у одного крупного поэта двадцатого столетия,

исключая разве что Сергея Есенина, который с первого стихотворения «Там, где капустные грядки красной водой поливает восход» через «Поёт зима — аукает» и до последнего — «До свиданья, мой друг, до свиданья...» не повторяется ритмически, понимая, что ритм — это душа Слова, которое у него настолько расширяет — слово выпаривает птицей из своей оболочки — своё лексическое значение, что становится поистине новым Словом.

Этому следует и Владимир Бояринов, а сама образная система его стиха базируется на фундаментальном принципе, открытым Николаем Заболоцким: «Чтобы работал звук, он (поэт) извлекает из него всю его музыкальную мощь. Мысль — Образ — Музыка — вот идеальная тройственность, к которой стремится поэт».

И тут важно всё: от поэтических троп до рифмы — мужской, женской, дактилической и даже рифмы гекзаметра, а сама рифмовка — парная, кольцевая, опоясывающая — вместе с развёрнутой метафорой, проходящей по всему стихотворению, — и создают ту поэтическую индивидуальность, которую не спутаешь ни с одной другой:

И пусть середина.
И пусть золотая,
А я не хочу!

Пусть неуследима
Последняя стая,
Я следом взлечу.

Пусть птица над полем
Подклики прощанья
Расклет крыла.

Да разве покоем
Минута печали
Когда-то была?

Кому? Неужели
Не видно, как больно
Дается полёт?

...И птица метели
Светло и бездольно
Трубит — но поёт.

Наверное, можно
Вздрыгнуть у камина,
Но тесно плечу.

И пусть бестревожна
Моя середина.
А я не хочу!

В этих превосходных стихах всё важно: и трёхстрочная строфа, смысловая перекающая рифмой в соседнее трёхстишие, и две соседние женские рифмы, которые венчают настойчиво — под восклицательным знаком! — рифма мужская («А я не хочу!»), и сплошная аллитерация из сонорных «л» и «н», помогающая постигнуть «птицу печали», чтобы, уходя от золотой середины, как озаглавлено это стихотворение, твёрдыми «р» и «д» поставить смысловую точку.

В новую книгу Владимира Бояринова, как уже отмечалось выше, вошли и стихи из избранного «Испытания». И это не потому, что у него не хватает новых стихов, — как истинный поэт он, несмотря на огромную занятость, всегда находится в Слове, ибо понимает, что выйти из Слова, значит, выйти из судьбы, чего он не может позволить ни при каких обстоятельствах.

Слова Владимира Бояринова в «В мире моих снегов» тают — от строки к строке, от стихотворения к стихотворению, — превращаясь в многоголосые ручьи, наполняющие и углубляющие русло великой русской поэзии своим неиссякаемым потоком.

Иван САВЕЛЬЕВ

Не луна пылает ночью в небе, а душа великая горит...

Два мощных писателя, оба родом с Урала, Валентин Сорокин и Сергей Алабжин, делятся с читателем самым сокровенным, самым болезненным — тревогой за Родину, тревогой за будущее, печалью о скоротечности памяти нашей

в книгу «Мой век, меня ты не обидел» вошли статьи и эссе Сергея Алабжина «Русские мальчики», «Земля и неволя», «Прости, Слободан. Пойми, Югославия», «Славянский мир... мир ли?», «Западная свобода и русская воля», «Приехал я на Родину», подарившая название книге работа — «Мой век, меня ты не обидел» и другие.

Валентин Сорокин представлен в сборнике очерками о Людмиле Татьяничевой, Мусе Джалиле, Александре Кердане, Сергее Есенине, Викторе Петелине.

Предваряет книгу статья Николая Узенёва, который верит, что «вдумчивому читателю книга С. Алабжина и В. Сорокина поможет глубже понять многие процессы в нашей жизни, вооружит себя уверенностью в силах, необходимых для постижения истины и победы в извечной борьбе Добра со Злом».

Открывает книгу пламенное стихотворение В. Сорокина, поэта, родившегося «под знаком Огня» на Урале и много лет проработавшего на Челябинском металлургическом заводе:

На Руси родиться — распостыться
Срадостью и с дедовским крестом.
На Руси родиться, как явиться
Атаманом или же Христом.

В книгу вошли написанные в разные годы эссе и статьи Сорокина — поэта и публициста, руководителя Высших литературных курсов Литературного ин-

ститута имени А.М. Горького, лауреата премии Ленинского комсомола, Государственной РФСР им. А.М. Горького, Международной премии им. М.А. Шолохова, Всероссийских премий им. Александра Твардовского и Сергея Есенина.

Валентин Сорокин говорит о любви к родине, верности, ответственности и красоте. В статье о поэтессе Людмиле Татьяничевой («Красивая и строгая») он пишет, что «самое ценное качество в человеке — считать себя частью общей нашей земли, общего нашего устремления». Поэт говорит об ответственности и обязательности, которые свойственны были Людмиле Татьяничевой и которых сейчас так не достаёт многим молодым литераторам: «Желание дойти до сути, до чудотворного смысла истинной красоты, одухотворённой высоты — замечательная черта движения поэта».

В самое сердце проникают слова Сорокина о Южном Урале: «Там вышел поклониться из кибитки кудрявой головою седому Уралу Александр Пушкин. А через десятилетия Сергей Есенин голубыми глазами всматривался в гордые выси распахнутого простора. Там родился бессмертный Муса Джалиль. Родился. Вырос. Расправил плечи. Вскинул голову. И шагнул в легенду. В песню шагнул — в песню татарского и русского народов, в память и отвагу народов России...»

В статье «Моя встреча с Есениным» В. Сорокин подчёркивает: «Я — уралец. Но рязанская обитель — ладони моей мамы

для меня. Сергей Есенин — божий мученик XX века, посланный на землю Иисусом Христом творить молитву и песню, клятву и гимн. Сегодня не любить Есенина — предавать Россию и её народ! Сегодня не любить Есенина — предавать православный крест и воинскую доблесть!»

О земле подумаю, охлебе,
О народе, лёгшем под гранит,
Не луна пылает ночью в небе,
А душа великая горит...
(В. Сорокин «Русский свет»)

Об отваге, равной таланту, о беззаветной любви к Родине, о трудных творческих и человеческих судьбах поэтов пишет Валентин Сорокин: «Не мешайте поэту. Не мешайте России — маме нашей седой. Не мешайте красному топану, солнечному сердцу героя!»

...Я верных жду, за мною нет погони:
Рабы вздохнуть свободно не хотят,
И потому расседланные кони
Без нас в туман погобельный летят!...
(В. Сорокин «Моей княжне»)

Статьи Сергея Алабжина, писателя и журналиста, инициатора общественно-патриотического движения «Танкоград» и главного редактора одноимённой центральной газеты Южного Урала, наследуют тревожному и святому традицию всех его предыдущих публикаций по истории России, утверждают главную тему его творчества «Воспий,

Россия!».

Известны неравнодушному читателю его работы об истории Урала, о памятных вехах Великой Отечественной войны, о ратных подвигах советского народа и воинской доблести героев нашей страны, о выдающихся её военачальниках. Мысли наши и чаяния созвучны со святою верой автора в то, что «возродится наша армия, она воскреснет, она встанет на ноги — и другого не дано! Ибо русские — нация воинов, нация созидателей! Не должно быть, чтобы кто-то, по какому-то злому умыслу уничтожил великое наследие наших отцов и дедов».

Материалом для статей, вошедших в книгу «Мой век, меня ты не обидел», послужили работы Сергея Алабжина 2002-2013 годов, в которых писатель рассказывает о нелёгком прошлом России, уходящем корнями в давние смутные времена. Но многие воспоминания «достаточно свежи, чтобы говорить о них и не забывать фактов».

А фактов для анализа общественно-политической ситуации в России автор даёт предостаточно. Девятнадцать статей — девятнадцать ступеней, девятнадцать граней нашей тяжелейшей истории! Той истории, которая оказывает самое непосредственное влияние на судьбы других стран.

В работах Алабжина звучит мысль о необходимости покаяния наших «ретивых» правителей и политиков за политические ошибки, за роковую неосмотрительность, за тягостную и бездарную «перестройку».

Статьи Сергея Алабжина напоминают о том, что «любой здравомыслящий народ инстинктивно или, возможно, генетически на первое место — в плане общенародных или общечеловеческих ценностей, культурных, традиционных, разных, но неизменно праведноздоровых — выдвигал и выдвигает заботу о сохранении и воспитании собственных детей». Об этом — «Русские мальчики» и статьи о важности семьи, важности православной русской традиции «родового начала».

Книга удалась. Он своевременно и нужна нашему читателю, и особенно — в это смутное и нелёгкое время коренных исторических перемен. Два ведущих литератора России говорят в ней нашему веку своё честное и сердечное слово.

Хочется привести слова Николая Узенёва о том, что «талантливая, серьёзная публицистика всегда привлекала внимание общественности тем, что глубоко проникала в сущность жизни, защищала правду, справедливость, скальпелем тонкого аналитика беспощадно вскрывала пороки социального, политического устройства жизни, затхлая духовной атмосферы общества». Именно так живут и вдохновенно работают известные писатели, воспитатели нового поколения литераторов России — Валентин Сорокин и Сергей Алабжин.

Нина ПОПОВА
Антонина СПИРИДОНОВА

Разноцветный мир Светланы Вьюгиной

Новая книга детского писателя Светланы Вьюгиной — хороший повод оглянуться в наше литературное прошлое, не такое давнее, но очень поучительное

Более 70 лет назад, 26 марта 1943 года в Москве состоялся первый Праздник детской книги. Казалось бы, Великая Отечественная война, холодная, голодная, полусажаженная Москва, ещё ничего не ясно на фронте. И вдруг в столице проводится такой праздник!

По истечении лет и в свете условий нашей современности становится особенно очевидной дальновидность руководства страны, давшего добро на проведение этого праздника. И решившего провести его не где-нибудь глубоко в тылу — в Алма-Ате, Самаре или Ташкенте, — а именно в Москве, в Колонном зале Дома союзов! Так родились «Книжкины именины», открывшие Всесоюзную неделю детской книги.

Писательница Светлана Вьюгина, которая скоро отметит юбилей, принадлежит, собственно, к тому самому поколению послевоенных детей, во имя которых и проводились в стране «Книжкины именины». Это помогло тем, кто рос в непростых условиях послевоенной разрухи, стать гармоничными и добрыми людьми. Живое писательское слово

помогло стране духовно не потерять того поколения.

В начале 2005 года в Совете Федерации состоялась встреча с ветеранами Великой Отечественной войны. Тема её звучала так: «Патриотизм и любовь к родине как залог возрождения России». На встречу пришли известные писатели-фронтовики: Юрий Бондарев, Михаил Алексеев, Егор Исаев, Константин Ваншенкин, Сергей Вуколов. Выступил председатель исполкома Международного сообщества писательских союзов Сергей Михалков, который напомнил: «Даже во время войны детское издательство печатало книги для детей. Это было государственное издательство. Оно печатало книги на плохой бумаге, со слабыми рисунками, но большими тиражами... Когда в советской культуре наметилось угасание интереса к патриотической тематике, я пошёл к Брежневу... И были учреждены Ленинские премии за детскую литературу, звания народных артистов СССР получили выдающиеся артисты детских театров. И когда всё это

заработало, Брежнев позвонил мне и спросил: "Ну, я всё сделал, что вы просили?"

А что же мы видим сегодня? Ничего из того, что было сделано, у нас уже нет».

И всё же...

Детские писатели России, воспитанные в самой читающей стране, стараются не только верить в лучшее, но по мере своих сил его приближать. Обнадёживают слова Владимира Путина, который отметил, повышение интереса к чтению становится общенациональной задачей.

Тот, кто желает привить ребёнку вкус к чтению, может смело оставлять своих детей один на один с книгами Светланы Вьюгиной. Она спокойно и тактично, не подавляя волю ребёнка, научит его любить окружающий мир, заботиться о людях и братьях наших меньших.

«Светлана Васильевна, откуда у вас такая любовь к животным и понимание их?» — поинтересовался я как-то.

Вьюгина, по своему обыкновению, застенчиво улыбнулась: «Просто мой

папа Василий Арсеньевич работал зоотехником, выращивал лис-чернобурок. А потом его пригласили в научно-исследовательский институт животноводства, где занимались лошадьми...».

Да, все мы родом из детства. У Вьюгиной всё — живое, и деревья, и травы. Этим, наверное, так притягательны её произведения. Когда Светлана Васильевна рассказывает про яблоны, сливы и крыжовник, что растут у неё в Подмосковье, понимаешь, что они для неё ничуть не менее живые, чем были для отца лошади. Бабушка читает свои новые произведения и смотрит на их реакцию. Те дают ей советы, заодно общаются с литературой.

Светлана Васильевна — лауреат всероссийской премии «Империальная культура» имени Эдуарда Володина. Печатаются в литературных журналах России и зарубежья. Впрочем, юным читателям не интересны эти «взрослые» подробности из области наград. Они ориентированы на живое общение с личностью. А эта обаятельная женщина

несёт в себе столько света, что ребёнок не может не тянуться к ней всей душой.

От души поздравляю Светлану Васильевну, а также всех ребятшек с новой книгой «Рыжий снег», что вышла совсем недавно.

Знание детской психологии распространено и в других названиях книг Вьюгиной: «Конопастик», «Облака-забияки», «Черёмуховое крыльцо», «Сибирский Валенок», «Тайна зелёных ёжиков»...

Недавно кавказские матери благодарили Светлану Васильевну после её выступления в школах и библиотеках Владикавказа, Северной и Южной Осетии, куда она была приглашена на презентацию своей книги «Солнечные краски», выпущенной на русском и осетинском языках.

Ещё над входом во дворец фараона Рамзеса II было написано: «Библиотека — аптека для души». Только такой — врачующей и формирующей душу ребёнка, наполняющей знаниями его ум — и должна быть детская литература.

Эдуард АНАШКИН